

Сильченко Григорий Викторович

МОТИВ ПРОРАСТАНИЯ ЗЕРНА В ЛИРИКЕ П. П. ЕРШОВА

В статье рассматривается такой ключевой мотив лирики Петра Павловича Ершова, как прорастание зерна. Устанавливается связь данного мотива с образом сердца, мотивами цветения и пения песни, которые в комплексе характеризуют тему поэтического творчества. Анализируемый мотив присутствует не только в поэтических текстах Ершова, но и в эстетических работах и письмах сибирского автора, что указывает на его значимость для поэта. Мотив прорастания зерна может иметь христианскую тематику в произведениях Ершова и быть связан с новозаветной притчей о сеятеле.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 179-182. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

В литературоведческом исследовании У. Джерхарди основой восприятия произведения становится именно психологический аспект, который, с точки зрения ученого, заключается в совмещении субъективной манеры повествователя с его объективным отношением к бытию.

В свою очередь, в ходе сопоставительного анализа оригинального и переводимого текстов на лексическом и пунктуационном уровнях можно утверждать, что оба переводчика, Дж. М. Марри и К. Гарнетт, также стремились добиться психологического эффекта воздействия на англоязычного читателя повести «Скучная история», используя при этом различные средства выражения. Дж. М. Марри намеренно употребляет односоставные предложения, опуская при этом многоточия, опускает контекстуальные описания главного героя, которые играют важную роль. К. Гарнетт в своем переводе, в отличие от Дж. М. Марри, для достижения психологического эффекта вводит в свой текст экспрессивно окрашенную лексику, которая усиливает созданную Чеховым психологическую атмосферу.

Список литературы

1. **Новый англо-русский словарь** / В. К. Мюллер, В. Л. Дашевская, В. А. Каплан и др. М.: Рус. яз., 2001. 880 с.
2. **Чехов А. П.** Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1977. Т. 7. 736 с.
3. **Шерешевская М. А.** Английские писатели и критики о Чехове // Чехов. Литературное наследство / под ред. И. И. Анисимова, А. С. Бушмина, В. В. Виноградова и др. М., 1960. Т. 68. С. 801-832.
4. **Энциклопедический словарь английской литературы XX в.** / отв. ред. А. П. Сарухян. М., 2005.
5. **Chekhov A.** The Bet and Other Stories / translated by S. S. Kotliansky and J. M. Murry. Dublin, 1915. 176 p.
6. **Chekhov A.** The Wife and Other Stories / translated by C. Garnett. L., 1918.
7. **Gerhardie W.** Anton Chekhov: a Critical Study. N. Y.: St. Martin's Press, 1974. 172 p.
8. **The Tales of Chekhov** [Электронный ресурс] / translated by C. Garnett. Vol. 5. URL: <http://www.readeasily.com/anton-chekhov/index.php> (дата обращения: 24.09.2012).

PSYCHOLOGICAL INTERPRETATION OF A. P. CHEKHOV'S NARRATIVE "A BORING STORY" IN ENGLISH CULTURE OF THE 1910-1920S

Elena Valentinovna Selezneva

Department of Russian and Foreign Literature
Tomsk State University
longisquama-1@rambler.ru

The author reveals the peculiarities of the perception of A. P. Chekhov's narrative "A Boring Story" in the English-speaking world, basing on the material of the first English monograph about the writer and two translations of his work, and pays special attention to the embodiment of the original work psychological context and its peculiar implementation at the lexical and punctuation levels of translated texts and in foreign literary criticism research.

Key words and phrases: English-speaking culture; psychological aspect; expressive vocabulary; innovative researches; internal reflection of hero; semantic incompleteness; negative context.

УДК 822-95

Филологические науки

В статье рассматривается такой ключевой мотив лирики Петра Павловича Ершова, как прорастание зерна. Устанавливается связь данного мотива с образом сердца, мотивами цветения и пения песни, которые в комплексе характеризуют тему поэтического творчества. Анализируемый мотив присутствует не только в поэтических текстах Ершова, но и в эстетических работах и письмах сибирского автора, что указывает на его значимость для поэта. Мотив прорастания зерна может иметь христианскую тематику в произведениях Ершова и быть связан с новозаветной притчей о сеятеле.

Ключевые слова и фразы: П. П. Ершов; лирика; романтизм; мотив прорастания зерна; христианская традиция.

Григорий Викторович Сильченко

Кафедра филологии и культурологии

Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова
grishanja1982@mail.ru

МОТИВ ПРОРАСТАНИЯ ЗЕРНА В ЛИРИКЕ П. П. ЕРШОВА[©]

Поэтическое творчество Петра Павловича Ершова (1815-1869) представляет собой характерное, но еще не в полной мере изученное явление в истории развития русской литературы 30-50-х годов XIX века.

В 1834 году поэтом было опубликовано дебютное произведение: литературная сказка «Конек-Горбунок», которая сразу обратила на себя внимание читающей публики и ввела молодого литератора из Сибири, бывшего в ту пору студентом философско-юридического факультета Петербургского университета, в круг значительных литераторов того времени. Однако литературное наследие Ершова не ограничивается данным произведением, писатель пробует свои силы и в других жанрах, характерных для русского литературного романтизма (романтическая поэма, баллада, лирический цикл, прозаический цикл).

В лирике Петра Ершова найдет свое выражение система мотивов и образов, с одной стороны, связывающая поэта с романтической традицией 30-40-х гг., а с другой – характеризующая его индивидуальное мировидение. Среди ключевых образов и мотивов ершовской лирики можно выделить образ зерна и связанный с ним мотив прорастания, плодоношения. Образ зерна присутствует в стихотворениях поэта, связанных с темой творчества, поэтического вдохновения. Так, в стихотворении «Вопрос» (1837), которое можно рассматривать как программное, автор размышляет о назначении поэта и перечисляет качества, которые должны быть присущи истинному творцу. Первая строфа данного стихотворения открывается образом зерна:

Поэт ли тот, кто с первых дней сознанья
Зерно небес в душе своей открыл
И, как залог верховного призванья,
Его в груди заботливой хранил? [1, с. 280].

Поэтическое творчество в представлении Ершова представляет собой духовный акт, оно санкционировано Богом. Поэзия возможна только в том случае, если Бог решает открыть поэту себя, она имеет богооткровенный характер и представляет собой синергетический процесс. Поэт не может отказаться от своего дара, он должен постоянно заботиться о нем, возвращать дарованное зерно. Образ зерна, появляющийся в данном стихотворении, неоднократно заявит о себе и в других текстах Ершова, посвященных данной теме, с ним будет связан мотив плодотворности божественного огня.

Идея божественности в качестве источника творческого процесса реализует себя как в художественных произведениях П. П. Ершова, так и в его сочинениях, посвященных проблемам эстетики. Наиболее полное раскрытие данный вопрос получает в торжественной речи Ершова «Несколько мыслей о художниках», произнесенной им на акте гимназии в 1839 году: «Поэт – это не обыкновенный смертный человек, который сочиняет на заданную тему, а сын небес, на котором ярко горит печать священного помазания и который никогда не даст вам ответа на вопрос, как он творит. Он не может вам сказать того, что даже первая мысль создания бывает всегда следствием того или другого его размышления; художник с первой до последней минуты творит бессознательно» [2, с. 97]. Как отмечает Т. П. Савченкова, «подобно другим поэтам-романтикам Ершов проводит идею божественной избранности творческой личности и бессознательного характера художественного процесса» [5, с. 21].

Показ поэтического творчества через метафору прорастания зерна находит подтверждение в письмах Петра Ершова. Так, в письме В. А. Треборну и А. К. Ярославцову от 7 марта 1842 года поэт отмечает: «Но напрасно ты винишь меня, будто бы служебные и семейные обязанности так овладели мною, что я совсем забыл поэзию. Напротив. Никогда я еще так не понимал ее, как теперь. Вот и главная причина, почему я бросил перо на время, пока зерно не созреет. А оно зреет, скажу без самохвальства, и, может быть, настанет время, когда душевный цветок раскинется под озарением *высшего солнца*. Ты поймешь мое направление» [1, с. 543]. Творчество должно непременно быть озарено «*высшим солнцем*», то есть без божественного участия невозможно постижение истинных закономерностей бытия, творческий акт всегда является актом самопознания и познания мира.

В поэтическом послании «К друзьям» (1837), обращенном к В. А. Треборну и А. К. Ярославцову, сибирский поэт призывает своих столичных товарищей подождать «воскресительного дня», момента, когда поэтические струны вновь зазвучат в сердце:

Мир Господень так чудесен!
Так отраден вольный путь!
Сколько зерен звучных песен
Западет тогда мне в грудь [Там же, с. 285].

В данном стихотворении образ зерна дополняется образами сердца и птицы, а также мотивом пения песни. Причем песня птички должна «расцвести», то есть данные образы в конечном итоге реализуют одну ключевую тему – поэтического творчества. Мотив пения птицей песни присутствует во многих стихотворениях Ершова; так, в лирическом цикле «Моя поездка» (1840) данный мотив заявлен уже в первом стихотворении «Выезд». А одно из центральных стихотворений, третье из десяти, входящих в цикл, имеет название «Песня птички». Лирический герой данного стихотворного текста связывает песню птички с вопросом свободы поэтического творчества, независимости творческого акта от мнения толпы:

Коль свободна – распеваю;
Не поется – я молчу.
Я свободна; что мне люди! [Там же, с. 308].

Нисхождение на поэта божественного вдохновения, которое вызывает процесс цветения, можно проследить в стихотворении «Две музы» (12 сентября 1838). В композиционном плане стихотворный текст разделен на две части, в каждой из которых представлен собственный микросюжет, характеризующий специфику муз поэта, «двух наперсниц красоты». Одна из них появляется в часы веселья и связана с грустными размышлениями, она навеивает тоску и показывает мир, который погружен в печаль, наполнен людскими страданиями. Другая муза противоположна первой, она способна разогнать грустные размышления лирического героя и увлечь его в «мир, увенчанный цветами! – / Мир поэзии земной». Именно данная муза вливает наслаждения в грудь лирического героя:

И роскошествуя в них,
Мощь цветущих песнопений
Бьет ключом стихов живых [Там же, с. 290].

Образ сердца, возникший в данном стихотворении, расширяет свою семантику благодаря образу живительного ключа, поэзия – это влага, живая вода, которая необходима и поэту, и окружающим его. «Ключ стихов живых» может быть соотнесен с античным образом Кастальского ключа, «источника на горе Парнас, посвященного Аполлону и музам» [3, с. 118]. В культурной традиции данный образ символизирует поэтическое вдохновение, и в русской поэзии он употребляется достаточно интенсивно начиная с XVIII века.

С середины 40-х гг. Ершов все реже обращается к лирическим жанрам, это связано со многими причинами: оторванность от столичного литературного процесса, жизненные неурядицы, желание попробовать свои силы в прозе. И в стихотворном послании «В. А. Андронникову», написанном в 1851 году, высказывается мысль о том, что дни поэзии уже прошли:

Ты просишь на память стихов,
Ты просишь от дружбы привета...
Ах, друг мой, найти ли цветов
На почве ненастного лета? [1, с. 340].

Начальные строки стихотворения показывают лирического героя, который не находит в себе сил, способных пробудить его к творчеству, он разочарован в своем поэтическом даре, и утешением для него служит спокойная семейная жизнь, атрибуты которой представлены в финале произведения. Следует уточнить, что во всех существующих на сегодняшний день собраниях сочинений Ершова данное стихотворение представлено не полностью, опубликованы только первые пять четверостиший. Однако в архиве Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ) хранятся автографы лирических произведений поэта (так называемые «Тобольские тетради»), в которых данное стихотворение представлено полностью. Во второй части ершовского текста, которая включает в себя еще шесть четверостиший, мотив прорастания зерна снова актуализируется, происходит смена эмоционального состояния, о чем свидетельствует появление в тексте восклицательных конструкций. Лирический герой вновь обретает веру в могучую силу Провидения, он предчувствует близость окончания периода невзгод, появляется надежда на то, что ему вновь будет свыше даровано вдохновение:

Заронится в душу мою
Живое зерно песнопенья,
И громко я песню спою –
Заветную песнь воскресенья [4, л. 104].

Мотив воскресения, появляющийся в данном отрывке, заключает в себе христианскую семантику образа зерна, которое может пониматься как символ смерти и воскресения, отсылая к образу Христа. Символика зерна становится центральной в новозаветной притче о сеятеле, которая излагается тремя евангелистами: Матфеем, Марком и Лукой, что подчеркивает ее важность в духовной традиции христианства. Под сеятелем в данной притче понимается Бог, а семена – это Божьи слова, которые могут упасть на разную почву, по-разному откликнуться в человеческом сердце и дать различные результаты. Данная притча может быть интерпретирована с позиции понимания природы поэтического творчества: вдохновение – это дар небес, оно имеет божественное начало и должно откликнуться в сердце поэта, найти в его груди благодатную почву. Только в этом случае поэтическое слово обретет способность «жечь сердца людей».

Можно сделать вывод, что мотив прорастающего зерна занимает в лирике П. П. Ершова одно из центральных мест, он впервые появляется в текстах 30-х годов и периодически актуализируется в ершовской лирике вплоть до последнего периода творчества поэта. С данным мотивом связаны образ сердца, мотив цветения и пения птицы, которые в комплексе актуализируют тему поэтического творчества, представляя процесс вдохновения синергичным актом встречи божественного духа с человеком. Мотив прорастания зерна также может иметь евангельскую семантику и быть связан с образом Христа и притчей о сеятеле.

Список литературы

1. **Ершов П. П.** Конек-Горбунок. Избранные произведения и письма / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. В. П. Зверева. М.: Парад; БИБКОМ, 2005. 624 с.
2. **Замахаев С. Н., Цветаев Г. А.** Тобольская губернская гимназия: историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за сто лет ее существования: 1789-1889. Тобольск, 1889.
3. **Мифологический словарь.** М.: Просвещение, 1965. 300 с.
4. **Рукописное собрание стихотворений П. П. Ершова (Тобольские тетради)** // Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Научный архив. ТМ КП 13215.
5. **Савченкова Т. П.** Ишим и литература: век XIX-й: очерки по литературному краеведению и тексты-раритеты. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2004. 312 с.

GRAIN GERMINATION MOTIVE IN P. P. ERSHOV'S LYRICS

Grigorii Viktorovich Sil'chenko

Department of Philology and Culturology
Ishim State Pedagogical Institute named after P. P. Ershov
grishanja1982@mail.ru

The author considers such key motive of P. P. Ershov's lyrics as grain germination, establishes the connection of this motive with the image of heart, the motives of flowering and singing a song, which together characterize the subject of poetic creativity, tells that the analyzed motive is present not only in Ershov's poetic texts, but also in the aesthetic works and letters of the Siberian author that indicates its significance to the poet, and mentions that grain germination motive may have Christian subject matter in Ershov's works and be associated with the New Testament parable about the sower.

Key words and phrases: P. P. Ershov; lyrics; romanticism; grain germination motive; Christian tradition.

УДК 811.161.1

Филологические науки

В данной работе основным предметом изучения являются тексты проповедей Серапиона, епископа Владимирского. В качестве вспомогательно-сравнительного материала нами были использованы некоторые другие тексты из сборника «Златая цепь» (по Троицкому списку), тексты Изборника 1076 года, а также «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого. Данные памятники были рассмотрены с точки зрения их лексических, синтаксических и семантических особенностей в плане организации текстового пространства.

Ключевые слова и фразы: Серапион; «плетение словес»; риторика; Епифаний Премудрый; история литературного языка; «Златая цепь»; топосы; формула-образец; авторский стиль.

Мария Леонидовна Смирнова

Кафедра истории русского языка
Казанский федеральный университет
anglahel@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕКСТА:
ОТ ФОРМУЛЫ-ОБРАЗЦА К ОРИГИНАЛЬНОМУ АВТОРСКОМУ СТИЛЮ[©]

Материалом для исследования послужили четыре текста проповедей, считающиеся безусловно принадлежащими Серапиону Владимирскому (XIII век) и содержащиеся в древнерусском сборнике «Златая цепь» («Троицкий список» (XIV век)), которые можно безусловно полагать «собственно русскими» – созданными на русской почве. Тексты проповедей обозначаются цифрами согласно нумерации Е. В. Петухова, предложенной в его исследовании [6] как отражение порядка их расположения в «Златой цепи» и представляющей нам в достаточной степени соответствующей реальной хронологии создания текстов.

Использованные тексты из сборника «Златая цепь» Е. В. Петухова – это: 1) «Поуче(н)е правья вЪры Дшеполезно», рассматриваемое нами как переводное произведение с греческого образца; 2) «Поуче(н)е стго Василья о житъи семь суетнемъ» – по мнению Филарета, это поучение русское; 3) «Сло(в) стго оца Василья поучение ко всѣм вЪрнымъ» – оно также полагается нами как русское произведение, но в большой степени подверженное влиянию переводных текстов.

Все привлекаемые нами тексты из Изборника 1076 года, по мнению учёных, славянского происхождения (во всяком случае, большинство из них), тогда как предшествующий ему Изборник Святослава 1073 года – почти буквальный перевод одного греческого сборника IX века.

Целью данной работы мы полагаем определение особенностей текста Серапиона (и нескольких других текстов из «Златой цепи») как принадлежащих определённому периоду развития русского литературного языка, а именно этапу перехода от текстового блока и формулы как фиксированных форм существования